

Евгения СКОБИНА

Евгения Скобина родилась в 1988 году в Москве. Училась в РГАУ-МСХА имени Тимирязева, на Высших литературных курсах Литературного института им. Горького, в магистратуре ВШЭ по программе «Литературное мастерство». В «Волге» публиковались повести «Курков дом» (2022, № 9-10), «Коптилка» (2023, № 7-8) и рассказ «Гад морской» (2024, № 3-4).

О КРЫСАХ, ЛЮДЯХ И ЛАБИРИНТАХ

Рассказ

Кинцуги стояла перед входом в тоннель. Бисерина носа подрагивала, и она с шумом втягивала воздух. Мерцали огни, а провода, которые шли вдоль грубо сколоченного плинтуса, отсвечивали. Пахло деревянными опилками и хлебом. Не теми жалкими корочками, которыми ее кормили, а свежим и пряным. Хлебом с завода № 22, который поглощал в лаборатории Рыжий. Хлебом, который давала ей только девушка.

– Надо ее хорошенечко шугануть, – сказал Артем. Он навис над лабиринтом и чудом – остро заточенный карандаш вывалился из-за уха – не проткнул крысу. Серая крыса с вырезанным квадратиком кожи на левом боку даже не дернулась, когда рядом надломился грифель канцелярского изделия.

– Госпожа Кинцуги сегодня не в настроении, – ответил рыжий Фрэнк, которого на самом деле звали Виктор, и как муравьед вытянул из бутерброда айсберг в майонезе и кетчупе. – Ну что устроим ей трагедию в Уэйко?

– Кажется, списывать ее пора, – зевнул Артем и прислонился спиной к столу. Тут же поехали тетради, заскользили по файловым вкладкам ручки и калькуляторы.

– Тише ты, Годзилла, лавину устроил. Липа услышит, устроит тебе – списание!

– Ты, Фрэнк, выбирал бы девушек не замужем. Глядишь, и личная жизнь бы наладилась, – ответил Артем и пошел к холодильнику, где среди пробирок с красными и синими крышечками хранились свирепые вирусы и лоточки из Вкус Вилла. Рыжий жрал бутер с аппетитом.

– Лабиринты для меня? – спросила Надя. Она уже минут пять крутилась у стола, опрокидывая солонки и дергая за бахрому скатерть. Липа стоически рисовала линии и квадраты. Она запланировала четыре тупика и уже представляла, как крыса будет разгадывать ее планы.

– Нет, для крысы Кинцуги, – с задержкой ответила Липа.

– Почему ее так зовут? – Надя влезла к мачехе на колени и отодвинула руку, чтобы посмотреть на рисунок.

– В честь японского императора. Была у него любимая чашка – чашка его погибшей жены, которую он берег пуще зеницы ока. Вы уже проходили на чтении, что такое зеница ока? Он любовался узорами и боялся чашку разбить. Когда он все-таки уронил чашку и та разлетелась на тысячу осколков, он пожелал, чтобы ее починили, но так, чтобы нельзя было различить следов разрушения.

– Но это невозможно! – девочка гладила ладошкой лицо Липы.

– Справедливо. Но мастера склеили черепки жидким золотом, и чашка стала еще красивее, чем прежде.

– И в чем мораль сей басни? – спросил Илья. Липа вздрогнула: муж подкрался со спины.

– В том, разумеется, что идеал – это иллюзия. Иногда важнее совершать ошибки и бить чашки.

– Ты посидишь с Надей на каникулах? – спросил Илья, раскладывая макароны по тарелкам. Спагетти быстро остывали и прилипали к бортикам.

Липа подчистила неровную линию ластиком, сдвинула крошки и повернула трубу направо.

– Нет, – не полнимая головы, ответила Липа. – У меня загруз в университете. Фрэнк уезжает к родителям. И мы с Артемом будем отдуваться за троих. Ты же знаешь, какой у нас строгий Влад.

Надя убрала со лба волосы прямой рукой и прыгнула с колен мачехи.

– От тебя плохо пахнет. И ты мне не нравишься.

Липа улыбнулась. Надя перевернула бутылочку с соусом и вылила добрую половину в тарелку, на дне которой барахтался Карлсон.

Илья подвинул жене тарелку с сыром и отдельно тарелку с макаронами.

– Дозируй сама, – сказал он и отобрал кетчуп у дочери. – Придется тебе все-таки поехать со мной на рыбалку. Мать твоя на работе, мачеха на работе, один отец – бездельник. Айда со мной.

Надя через стол полезла к Липе и провела красными кетчупными пальцами по бумаге. Липа поднялась и сказала:

– Вы ешьте, а мне теперь это творчество на компьютер перенести надо.

– Еда остынет, – строго сказала Илья.

– Я не голодная, – крикнула из комнаты Липа. – Фрэнк угостил сэндвичем с тунцом.

– Кинцуги, значит, – сказал Илья, когда Липа вышла, а Надя рассмеялась и повторила нараспев:

– Кин-цу -ги!

Заведующий кафедры с зачесанными назад седыми волосами и в белом халате развалился в кресле.

– Посиди. Мне закончить нужно, – сказал старик и закопался в бумагах. На руке сидели объемные часы и желтые пятна. Старческие или химикатные – не угадаешь. Липа посмотрела в окно. Вид открывался на замерзший пруд. Женщина тащила упирающего мальчика по ледяной дорожке. Сорванец кричал и извивался так старательно, что потерял шапку.

Не жалею – говорил дядя Саша. Не жалею ни себя, ни других. Плохая привычка. Тебя никто не пожалеет. Думаешь, мать тебя пожалеет или я?

Мать вышла за него, когда Липе было восемь. Мать обрадовалась: отхватила мужика, а что у него ни кола ни двора, даже зубов и работы нет – все равно – счастье. Дядя Саша сначала осторожничал, а потом характер все-таки вылез. Мать устроила его охранником в местное питейное, а сама пропадала на сутках. Когда родила – еще одну девочку – дома сидеть не стала – сразу на работу вышла. Администратором в фитнес-центр.

Деньги она в дом приносила, а еду, как и когда в тягости была – бабка таскала. Дядя Саша, бывало, придет, пиво – жестяную банку – из кармана вытряхнет, а мать с пузом, бледная, с синяками под глазами, нечесаная, и заикнуться боится, что дома шаром покати. Липу уже тогда в школе начали дразнить: что шмотки старые и что карманных нет.

Если бы бабка соленьями не торговала и перчатки шерстяные – в переходе при спуске с электрички – не продавала – выжили бы?

Как мать на работу вышла, дядя Саша снова залебезил и подобрел. Встречал, когда с сумками возвращалась, но только когда трезвый. Обычно приползал с работы в полутемную квартиру уже датый, то икнет в прихожей, то рыгнется и ударит, что под руку подвернется.

Липа сестру – в комнату, дяде Саше – на стол разогретые в микроволновке кашу или макароны с сосисками – то, что мать утром приготовила в половине шестого. Дядя Саша на нее мутными глазами и давай жизни учить.

В каком мире дядя Саша жил – таким и законам учил. Но Липа все еще верила, что вырвется, что мир у них с дядей Сашей не один на двоих. Маска упрямства появлялась на лице. Дядя Саша читал сопротивление. Он кидался газетами, пепельницами и тарелками – всем, что под руку подворачивалось. Дура, я для тебя как лучше хочу! Липа уворачивалась, бежала в комнату – по рассеченной брови текла кровь.

Поворачивала замок, подволакивала шкаф – руки саднило – шкаф тяжелый. Маша – сестра – плакала. Маша и Липа сидели на полу. Шкаф некоторое время трясся, потом на дверь обрушился последний удар – и все смолкло. В комнате родителей заговаривал телевизор. Маша засыпала на руках у Липы. Но это если везло.

Иногда Маша – ей было уже три – просилась в туалет. Но Липа знала – выходить нельзя – ни в коем случае – одной разбитой бровью не отделаешься. Он потом виниться будет – а что толку – толку чуть – лицо будет разбито. Она говорила сестре – иди на горшок, но Маша – умница, быстро сообразившая, что на горшок только маленькие ходят – хотела как взрослая. Отказывалась. Липа ее уложить хотела, гладила по голове, рукам и ногам, колыбельные пела – откуда-то прорезывался бабкин напевный голос – бабки, которая мучилась спиной и ногами и не приходила без лишней надобности.

Когда Липа увидела в первый раз, как прыснула моча через ткань, рассмеялась, а потом, глядя на заплаканные глаза сестры, бросалась переодевать и сушить. Под вечер, в глухую ночь – стучала дверь – мать приходила. Липа смотрела, как мать, вынимая из пакетов продукты, старается не шуршать.

– Сильно лютовал? – спрашивала мать. Липа пожимала плечами и тащила в рот бутерброд.

Влад Сергеевич пялился в экран компьютера и печатал, нажимая толстыми пальцами на клавиши. Мальчика за окном – упряма – мать уже утащила по ледовому покрытию реки в дом. На реке выплясывали другие дети.

– Февральский лед тонок. Но они катаются сами и детей берут с собой. Безответственность, глупость или злой умысел, как думаете, Липа Васильевна?

Липа посмотрела на полы халата и заметила кровь. Она извозила халат – придется стирать посреди недели.

Она смотрела на кровь и ничего не чувствовала. Когда боль других заставила ее испытать тайную радость? Когда она удержала собаку, которую звал хозяин, а та пискнула? Когда прищемила – в пылу борьбы – но все-таки нарочно – палец обидчику? Когда толкнула подругу – лучшую, наперсницу, поверенную всех смешных детских тайн – с ледяной горки – и ее санки чуть не выехали на трассу? Она никого не жалела: ни других, ни себя. Но она выросла: из дома можно было бежать. Поступила в ветеринарный, здесь боль причиняли для облегчения еще большей боли.

Входить в волю в мужчины она не собиралась. Помнила, как женщины ближайшего круга – как лемминги – прыгали с этой скалы. Как они извивались на сковороде, как ужи, но потом делали все, что велели мужчины. А когда хотели выпрыгнуть обратно – было уже поздно. Они были в детях, без работы и в подчинении не явном, но скрытом. Они говорили то, что от них слышать хотели, делали то, что противно, и вели себя так, будто они были куклами на веревочках. В такси Лена услышала обрывок рассказа, где крестьянка, что гуляла ночью, возвращалась к мужу – шла с одной стороны поля на другую зигзагами. Будто муж стягивал невидимый поводок.

Рабство на уровне мыслей, на уровне слов и действий закабляло женщин больше, чем чужая воля, которой часто и не было. Вместо нее была мужнины злость, страх и гнев.

Липа верила, что брак – это когда ты любишь и знаешь, что тебя в ответ не только не будут любить, а будут, пользуясь твоей любовью, которая есть слабость, причинять боль. Липа думала, что выйти замуж это то же самое, что специально совать голову под нож гильотины, рядом с которой – корзина с отрубленными головами. Липе никто не мог причинить боль. Она могла быть верной и заботливой, если от нее не требовали того, чего она не умела – любить.

– В каком году женщины добились равноправия? – спросил заведующий, заметив, что она отвлеклась.

– Помнится, после первой мировой. Суфражистки устраивали одиночные пикеты и перформансы. А что?

– А того, что муж твой звонит и спрашивает, почему я не отпускаю тебя на праздники законные.

Липа скрыла в полах халата красное пятно и села на краешек стула. Она мучительно разглядывала морщинистую, как у шарпея, шею старика.

– Илья хочет, чтобы я с падчерицей осталась. Девочка меня терпеть не может и постоянно вовлекает в манипулятивные игры – между отцом и матерью. Мне жалко, что она никому не нужна, но у меня интересный проект, хочу им заняться. Вы же меня не выдали?

Липа заглядывала в глаза Владиславу Сергеевичу. Она не раз пользовалась синью глаз для убеждения. Влад три раза переложил бумаги с места на место.

– Ты все с поведенческими реакциями возишься?

– Крыса попалась умная, сообразительнее других, в два счета лабиринты проходит, – радостно затараторила Липа.

– Крысы три года живут, не привязывайся. И отчеты сама заполняй: устал биться над каракулями Фрэнка.

Падчерица растрепала волосы, которые так тщательно заплела Липа, и теперь отплясывала перед телеком. Одним из тех сериалов, которые никогда не кончаются. Вот именно на них – на этой жвачке – конвейером вырастают дети эпохи потребления. Липа смотрела в зеркало. Ей было двадцать девять, но она закрашивала седины на висках, под глазами появились пресловутые лапки, как будто кто-то невидимый тер наждачкой кожу и растягивал.

Липа не хотела детей, не хотела мужа. Но стала звонить и жаловаться на одиночество мать после смерти дяди Саши. Перспектива оказаться в Подмосковье стала выпуклой, как стекло секретика из разбитого бутылочного доньшка.

Илья вечно всем помогал и жил с очевидным намерением найти себе жену и мать дочери. На предложение Липа почти сразу согласилась. Она умела притворяться и верить в реальность, которую представляла себе. Иначе как бы она пела колыбельные Маше, как бы она поступила в универ, как бы съехала из дома матери? Липа вышла замуж, осталась при универе и не собиралась упускать ни одну из этих возможностей.

Липа выключила телевизор, дернула девочку за руку и завязала волосы падчерицы в кривой хвост. Липа затолкала Надю в куртку, затянула капюшон и молнией прищемила маленький подбородок. Надя заплакала. На улице Липа дергала и тянула. Только в окружении круглых лиц воспитательниц – в хороводе сюсюкающих фигур – Липа успокоилась.

Она вытерла зареванное лицо Нади. Перевязала хвост, вздернула до груди колготки и передела кофту, которую надела спинкой. Битой ходить будешь, – сказала она. Надя забыла, что полчаса рыдала, и ускакала в игровую. Липа опаздывала, но по февральскому льду реки – по замершему пруду – не пошла.

Крыса идти отказывалась. Она умывалась перед входом лабиринт и делала вид, что угощение – корочка хлеба – недостойная цель.

– Вы выдерживали ее без еды? – раздраженно спросил Владислав Сергеевич. Фрэнк кивнул, а Артем отошел к раковине – там стояли пробирки – взял толстый ершик и вытащил грязную посудину из-под воды. Студенты группы 304 посматривали на крысу без любопытства, а девчонки – те, что посимпатичней – шушукались. Крыса наконец сдвинулась. Она прошла три шага и принялась скрести пол.

– Она издевается? – спросил кто-то из студентов.

– Это ваша самая умная крыса? – снова спросил Владислав Сергеевич.

– Липа построила сложный лабиринт, сегодня первый день, – ответил Фрэнк.

– Посадите другую, – велел старый профессор.

Фрэнк убрал Кинцуги в клетку, а в лабиринт посадил новенькую, только вчера привезенную из другой лаборатории, ее, как и Кинцуги, тоже препарировали. Квадратики кожи были еще розовые. Новенькая уперлась в два тупика, потом вернулась, снова уперлась еще в один тупик, потом в четвертый, обнаружила лестницу вверх, и дело пошло веселее.

– Семь пятьдесят шесть, – сказал Владислав Сергеевич, глядя на большой циферблат наручных часов. – Назовем Лолой. Старушку вашу забираю на утилизацию. Липа Васильевна, где ходите? – спросил заведующий ворвавшуюся в кабинет лаборантку. Липа хотела ответить, но Владислав Сергеевич остановил ее решительным жестом.

– Опять будете оправдываться. Надоело. Женщина на корабле – к беде. Правду говорили матросы, – старик раскачивал клетку с крысой. Девушки, что болтали на задах, притихли.

– Рыжие тоже, – ответила Липа. – Фрэнка со мной погоните?

Фрэнк с укором посмотрел на Липу.

– Верните мою крысу, – лаборантка наступала на Влада. – Верните!

Старик сгорбился и сощурил глаза.

– Липа Васильевна, подберите сопли. Крыса в лабиринте и два шага не сделала. Отправим на испытания. Вирус чумы занятого штамма вывели, опробуем. Пусть служит науке, как умеет.

– Кинцуги вчера лабиринт за пять минут прошла, ей просто не интересно во второй раз, – громче сказала Липа.

– Врешь и опаздываешь. Сколько тебе еще авансов я должен выдать? – заведующий двинулся на выход. Липа посмотрела на Фрэнка, но тот покачал головой. Она стала в дверях.

– Это моя клетка, я купила. Дайте пересажу.

– Ну-ну, открываются все новые и новые ваши стороны. Профессор вернулся и поставил клетку на стол. Липа щелкнула затвором, вскрикнула, нагнулась и стала шарить по полу.

– Сбежала? – спросил Влад.

– Вы кричали, и я разнервничалась, – Липа виновато стояла перед заведующим. На сгибе рукава под халатом Липы Васильевны затихарилась Кинцуги.

– Не найдешь крысы, считай, уволена, – сказал Владислав Сергеевич и махнул студентам. Молодежь, переговариваясь, проходила мимо лаборантки и профессора. Они уже забыли про крысу, про лабиринт, про поведенческие реакции и торопились в столовую. Надо было скоротать время до следующей пары. Липа смотрела синими глазами на заведующего, но все было напрасно.

В таких комнатах Кинцуги еще не бывала. Тут было уютно – белый кафель с зелеными стеблями и зеленая лампа. Пахло выпечкой и едой – иной на вкус, на вид, по консистенции – такую она еще не пробовала. Клетка стояла на полу – на подставке. А Липа, нагнувшись, что-то ей шептала. Кинцуги огляделась. Препятствий было много. Пакеты, ящики и еще какие-то рельефы поверхности, что высились, как горы. Если бы ее выпустили, она бы побежала по картофельному запаху, туда – под раковину, но какой путь выбрать, она не знала, – нужно было следовать от точки до точки. То, что она знала, где финиш, несколько не облегчало путь. Кинцуги знала, что она придет туда, куда нужно. Но как пройти лучше, правильней и короче? Кинцуги умыла умную морду лапками. На кухню вошел незнакомец. Это был не Рыжий, не Практичный, не Большой, этот человек был ей незнаком. Но от него, как и от Большого, исходила опасность.

– Слушай, я же с мужиками поеду, будут пить, и холод опять же. Останься с Надей, а?

– У меня исследования, я же говорила, – рассеянно ответила Липа, складывая на столе руки домиком.

Илья прошелся по кухне и обрушился на жену.

– Ты живешь с нами, а не квартиру снимаешь. Ты не няня Наде, ты ей вместо матери! Сердце у тебя, что, совсем не болит?

Липа хотела по обыкновению ответить: «Справедливо», но промолчала.

– Я звонил на кафедру. Знаешь, что сказал твой начальник? Он сказал, что ты уволена. И зачем крысу домой притащила?

Илья нагнулся, раскрыл клетку и вытащил упирающую Кинцуги прежде, чем Липа помещала ему.

– Знаешь, в чем разница между тобой и японским императором? Он свою чашку любил, а ты нашу чашку не любишь. Из кулака Ильи торчал хвост.

Липа наморщила лоб и попросила:

– Не надо!

Илья скривился и бросил крысу, как теннисный мяч.

Кинцуги летела от окна до стены, и ей открывался вид на пол, на пакеты, и ящики, на трещину между двумя половинами пола, на залом линолеума, который казался ей прежде страшной горой. Теперь она видела, куда следовало бежать. Кинцуги ударилась головой о стену, и кровь брызнула по сторонам: влево и вправо. Пятна эти были торжеством пуантилизма: ударившись о стену, сломав череп и оставив следы мозговой жидкости, то, что прежде было Кинцуги, шлепнулось на пол.

Мерцали огни светофоров. В воздухе пахло хлебом: завод работал исправно и на полную мощность. Липа застыла: она еще не знала, куда пойдет. Желтый. Красный. Налево или направо? Липа увидела длинную ледяную дорожку, залитую светом. Она решила. Липа шла по реке, скованной льдом, и произносила вслух газетную заметку, которую не читала в тот год, когда она вышла, но потом целый год долгие часы – слово в слово – не читала, а повторяла наизусть.

«На Охотском озере утонула девочка пяти лет – Мария Савельева. Девочка находилась под присмотром старшей сестры. Подросток не успел вытащить ребенка из воды. Проводятся розыскные мероприятия, чтобы найти тело».